

DOI: 10.31857/S241377150009974-4

Болгария в русской литературе последней трети XVIII – первой половины XIX в.: динамика формирования образа

© 2020 г. А. Ф. Багаева

Аспирант Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 51
bagaeva_anetta@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию 2 апреля 2020 г.

Дата публикации: 30 июня 2020 г.

Резюме. В статье показано, как образ Болгарии зарождается в русской одической традиции XVIII в. и затем развивается в “Дневных записках поездки в Константинополь” А.Г. Краснокутского, в “Письмах из Болгарии” и “Фракийских элегиях” В.Г. Теплякова. В одах образ Болгарии является своеобразным приращением к “греческому проекту”, в результате чего Болгария вместе с Грецией оказываются в центре одической карты мира. “Записки” Краснокутского впервые в русской литературе знакомят читателей с достоверными пейзажами Болгарии, бытом её городов и деревень, обликом местного населения, параллельно закрепляя одические мотивы в прозе. Лиро-эпический цикл Теплякова представляет собой сложный континуум. Обе части цикла воплощают два яруса, чьи смыслы резонируют друг с другом. Если “Письма из Болгарии” говорят больше об осколочности и конечности исторического бытия, то во “Фракийских элегиях” Болгария является в ипостаси бесконечного и незыблемого бытия. “Письма из Болгарии” и “Фракийские элегии” В.Г. Теплякова знаменуют собой переход на принципиально новый уровень осмысления и воплощения образа Болгарии в русской литературе.

Ключевые слова: русская литература, ода, путешествия, имагология, Балканы, Греция, Болгария, русско-турецкие войны, Данте.

Для цитирования: Багаева А.Ф. Болгария в русской литературе последней трети XVIII – первой половины XIX в.: динамика формирования образа // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 3. С. 107–113. DOI: 10.31857/S241377150009974-4.

Bulgaria in Russian Literature of the Last Third of the 18th – First Half of the 19th Century: the Dynamics of Image’s Creation

© 2020 Anetta F. Bagaeva

PhD student of Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory 1, bld. 51, Moscow, 119991, Russia
bagaeva_anetta@mail.ru

Received by Editor on April 02, 2020

Date of publication June 30, 2020

Abstract. The article investigates the origin of Bulgaria’s image in Russian 18th-century odic tradition and its further development in A.G. Krasnokutskii’s “The daily notes of a journey to Constantinople” and V.G. Teplakov’s “The letters from Bulgaria” and “Thracian elegies”. In odes, the image of Bulgaria is a kind of appendage to the “Greek project”, thanks to which

Bulgaria, together with Greece, get situated in the center of the odic world map. For the first time in Russian literature, Krasnokutskii's "The daily notes..." acquaint readers with the authentic landscapes of Bulgaria, the life in its cities and villages, the image of the local population, at the same time reinforcing odic motifs in prose. Teplyakov's lyric-epic cycle is a complex continuum. Both parts of the cycle embody two 'tiers', whose meanings resonate with each other. While "The letters from Bulgaria" speak more about the fragmentation and finiteness of historical being, in the "Thracian Elegies" Bulgaria is in the form of the infinite and unshakable being. "The letters from Bulgaria" and "Thracian Elegies" by V.G. Teplyakov mark a transition to a fundamentally new level of understanding and embodiment of Bulgaria's image in Russian literature.

Key words: Russian literature, ode, journey, imagology, Balkans, Greece, Bulgaria, Russo-Turkish wars, Dante.

For citation: Bagaeva, A.F. *Bolgariya v russkoj literature poslednej treti XVIII – pervoj poloviny XIX v.: dinamika formirovaniya obraza* [Bulgaria in Russian Literature of the Last Third of the 18th – First Half of the 19th Century: the Dynamics of Image's Creation]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No. 3, pp. 107–113 (In Russ.). DOI: 10.31857/S241377150009974-4.

В отечественном литературоведении принято считать, что «подлинным открытием Болгарии для русской культуры стали именно "Письма о Болгарии"» В.Г. Теплякова [1, с. 420]. Однако совершенно ясно, что возникновению "Писем" должна была предшествовать некая прототрадиция. Отсутствие фиксированных границ и политической самостоятельности выразилось на рубеже XVIII–XIX вв. в создании Балкан как воображаемого проекта, чрезвычайно удобного для идеологических построений в литературе и искусстве, а также для политических манипуляций [2, с. 2]. Балканы как "третий регион" (и Болгария в том числе) объединяли в себе черты Запада и Востока, чему также способствовала религиозная, этническая и культурная неоднородность полуострова [2, с. 8–10]. Религиозно-культурная общность, идея преемственности Российской и Византийской империй стала веским основанием для усиления влияния России на Балканах. А.Л. Зорин считает, что "греческий проект" оформился лишь к середине 1770-х годов у Г.А. Потёмкина, связывая его зарождение с письмами Вольтера 1768 г. к Екатерине II [3, с. 38–39]. Однако Е. Смилянская относит его возникновение к 1762 г., когда Г.Г. Орлов представил императрице проект освобождения Греции [4, с. 74]. Выделяя два этапа "греческого проекта", Смилянская показывает, что русская императрица всерьёз намеревалась поднять восстание среди греков и использовать их для борьбы с Османской империей только на первом этапе, во время Архипелагской экспедиции. Уже на втором этапе в проекте Г.А. Потёмкина, подразумевавшем создание дружественного России

царства во главе с внуком императрицы Константином, Греция и греки перестали рассматриваться как политический субъект [4, с. 86].

Для нас было важно вкратце очертить эволюцию "греческого проекта" как предыстории возникновения болгарской темы, поскольку задолго до В.Г. Теплякова упоминания Болгарии появляются именно в торжественных одах и словах на победы в русско-турецких войнах 1768–1774 и 1787–1791 гг.

Прежде всего, Болгария появляется в русских одах и словах как новая географическая система координат, задающая границы театра военных действий. Он простирается от реки Дунай до Балканских гор (или от Истра до Гема). Дунай служит водоразделом между российскими и турецкими территориями (весьма характерна одическая формула "победы, одержанные за Дунаем"). Сама река либо смиряется перед воинственным напором русских войск, либо охотно помогает русским одолеть турок, одаряя славой Екатерину II. Но в сражениях Дунай страдает от своей отзывчивости, ведь русские повелевают всеми четырьмя стихиями:

Воспламенив Днестр, Ларгу с Истром,
В полете и стремленьи быстром
Рвет воздух, следом вихрь крутит <...> [5, с. 7]

Море, следуя общему настроению природы, тоже изнемогает от огня. Сам "Нептун мятется от тревоги / На крик, на дым, суда премного, / Подъемля свой угрюмый взор" [6, с. 8], но во вселенской битве стихий и чудовищ

русские корабли совершенно уверены, что повелитель вод им поможет:

Как будто легкими стрелами,
Носимы Россы кораблями
Проходят в области твоей,
Угрюмы волны рассекая,
Тебя защитой почитая [7, с. 18].

И неприступные Балканы помогают русским, сочувствуя участи болгар:

Неправедно наследств лишать,
Навек свое любезно племя;
Народов чуждых злобно семя
В объятиях своих питать.
О! коль бесчестно и презренно,
То знает сердце огорченно [7, с. 36].

Природу возмущает кровожадность турок по отношению к болгарам, и она противится тому, чтобы все богатства Болгарии и её урожай получала Османская империя. Гем обещает русским свою “защиту, / непобедимостью покрыту” [7, с. 36]. В результате восстаёт против турок сам поработанный болгарский народ, помогая русским войскам в качестве партизан, добровольцев и снабжая армию графа Румянцева продовольствием:

“Герой <имеется в виду Румянцев-Задунайский. — А.Б.> сим зделав половину, другую страшит совершить Фракию: тут он не имеет нужды в оружии и припасах, житницы неприятельския его довольствуют: бабадаги повинуются, Силистрия от него стонет, ужас ея тревожит Стамбул, Русшук приближает его опасность, болгары пред ним открывают погибель, Карас истощает его крепость, Шумля приводит во трепет его престол” [8, с. 8–9].

В “Слове” Ф.Г. Карина Болгария появляется под именем античной Фракии (Южной Болгарии). Но наиболее развёрнуто её образ был явлен в оде Евгения Булгара (или Вулгариса) — греческого богослова с болгарскими корнями, лично приглашённого в Россию Екатериной II и получившего здесь сан архиепископа Славенского и Херсонского. Он был первым одописцем, обратившимся к описанию “Мизийския страны” (Северо-восточной Болгарии), ставшей свидетелем военного позора османов, которых автор оды считает азиатами. Евгений мечтает об их изгнании из Европы “в Кавказские хребты бесплодны, / в Аравски дебри толь безводны” [7, с. 38]. И хотя Евгений Булгар по своему мировоззрению был греком (что выразилось в его желании свободы именно для греков), важно то, что он сознательно расширяет

границы “греческого проекта”, распространяя его влияние и на болгарские земли. Евгений апеллирует к античной мифологии, доказывая тем самым, что Болгария также принадлежит к античному, греческому миру, а значит, также заслуживает внимания императрицы:

Ах! Гелла свой забудет род?
И как в презрении оставят,
От скорбна плену не избавят
Борей, Оринфия свой плод?
Сей плод любви их Гем любезный,
Что ныне льет потоки слезны [7, с. 36].

Характерно то, что в сознании греческих и русских одописцев сама Россия геополитически осмысливается как Север, противостоящий Востоку (Турции), место Запада традиционно отводится Европе (весьма хладнокровной к стенаниям греков [5, с. 9]). Казалось бы, Югом в данной системе координат, смещённой вправо по диагонали, должна была быть Греция. Однако у И.А. Верещагина в заимствованном у греков, в частности у А.П. Палладоклиса, собирательном образе престарелой Греции-матери, просящей у России заступничества, та восклицает:

Дары свои я истошила
На запад, север, юг, восток
О мне Италия восстала,
Мной фурия сотрясшись пала
Претяща зреть Европе свет [5, с. 9].

Следовательно, место Греции как истока европейской культуры и Балкан в целом (а с ними и Болгарии) находится в самом центре одической “карты мира”, а место Юга, по Верещагину, занимает Италия как наследница Древнего Рима. Таким образом, благодаря политической пропаганде греческих эмигрантов и одической карте мира, делающей Балканы его средоточием, складываются предпосылки для будущего переноса “центра тяжести” с Греции на Болгарию и уточнения культурно-географических координат последней.

Этот перенос был осуществлён уже в XIX в. Среди наиболее значимых прозаических и поэтических произведений выделим “Дневные записки поездки в Константинополь” А.Г. Краснокутского [9], “Письма из Болгарии” и “Фракийские элегии” В.Г. Теплякова ([10]; [11]).

Краснокутский в 1808 г. был послан фельдмаршалом А.А. Прозоровским с дипломатическим

поручением из Бухареста в Константинополь для ведения переговоров о мире с Османской империей. “Записки” отличаются не только достоверностью, поэтичностью и новизной описаний изменчивой болгарской природы, прежде всего бурного Дуная и туманных Балканских гор, и достопримечательностей болгарских городов по сравнению с известной условностью одических пейзажей. Краснокутский также фиксирует ряд идейно-социальных процессов, ставших итогом русско-турецких войн XVIII в. В сцене, где болгары “с восторгом целовали образ бессмертной Екатерины” на серебряных пятаках, мы видим успешное усвоение болгарскими идеями, транслировавшимися русским одическим дискурсом:

“...она хотела нас спасти от жестокого ига: дай Бог, чтобы увидеть нам скорее русские войска! Горы наши им не помешают; мы слышали, что они и не такие места проходили. Нас уверяют, что русские непременно сюда будут” [9, с. 9].

Эхом екатерининского присутствия на Балканах стали и сами русские солдаты, в силу разных причин не вернувшиеся домой. Краснокутский знакомит читателей с ренегатом Иваном Терентьевым (а теперь Сулейманом), который даёт наставление потомкам верой и правдой служить “России и государю, а то совесть замучит <...> до гробовой доски!” [9, с. 10–11]. Таким образом, мемуары русского офицера становятся вторым важным этапом в процессе постижения Болгарии и поиска точек культурного соприкосновения.

Подлинным сдвигом и литературным открытием Болгарии стал лиро-эпический цикл Теплякова (мы используем здесь характеристику С.А. Степиной [12, с. 34]). Тепляков был направлен И.П. Блаرامбергом в приморскую Болгарию в разгар русско-турецкой войны 1828–1829 гг. для проведения археологических разысканий. Найденные античные артефакты он передал в Одесский музей. Строганов считает “Письма из Болгарии” и “Фракийские элегии” двумя отдельными циклами, поэтическим и прозаическим, вслед за Тепляковым характеризуя “Письма” как автокомментарий к элегиям [1, с. 420]. Е.В. Петренко уточняет, что современники поэта воспринимали “Фракийские элегии” как “одну цельную поэму”, поскольку термина “лирический цикл” ещё не знали [13, с. 18]. Степина же объединяет оба цикла в единый континуум, о чём мы уже писали выше. Справедливо указывая на тесную взаимосвязь обоих циклов, исследователи

до сих пор не рассматривали специфику отражения образа Болгарии во “Фракийских элегиях”. Постараемся заполнить эту лакуну.

Тепляков в обоих циклах использует, в сущности, одну и ту же “оптику”: он глядит на Болгарию сквозь призму трёх “увеличительных стёкол” или трёх типов дискурса. Первый связан с Античностью и историко-научным корпусом текстов о древней Болгарии (Мизии и Фракии). Второй непосредственно опирается на традицию европейского ориентализма и его преломления на русской почве (прежде всего, у А.С. Пушкина), кроме того, Тепляков использовал и образы древнего Востока [14, с. 248]. Третий тип дискурса, выделенный Е. Смилянской, связан непосредственно с “греческим проектом” [4]. Важно отметить, что все три типа дискурса смыкаются в литературной традиции русской оды, что яснее всего видно в 6-й фракийской элегии “Эски-Арнаутлар”.

Смещение акцентов у Теплякова происходит за счёт творческого переосмысления байронической традиции. Указания Петренко [13, с. 19] на “Паломничество Чайльд-Гарольда” как ключевой текст и на образ странника как сквозной образ, пронизывающий оба цикла, всё же не позволяют в полной мере объяснить, почему “Фракийские элегии” были так высоко оценены Пушкиным и В.Ф. Одоевским [15, с. 322–323], а “Письма из Болгарии” – О.М. Сомовым [12, с. 24]. Тонкий стилист и человек широчайшего литературного кругозора, Тепляков явно не был простым подражателем Байрона. Литературная адаптация комплекса байронических тем и мотивов была новаторской вдвойне: во-первых, она распространялась на прозу, во-вторых, Тепляков осуществил смысловой сдвиг, дистанцировавшись от своего литературного образца географически. Он переориентирует русского Чайльд-Гарольда с Греции на Болгарию, оставляя тем самым Грецию в сфере литературно-идеологического влияния Англии.

В постижении Болгарии он руководствуется принципом пульсирующей истории, являющейся ему в противоречивой сплетённости вечности, цикличности человеческого бытия и в её драматической надломленности и конечности. Что интересно, принцип введения исторического видения, потока сознания, который резко обрывается контрастирующей текущей реальностью, равно присутствует и в письмах, и в элегиях. Путешествие поэта-странника по Болгарии во “Фракийских

элегиях” приобретает экзистенциально-философский характер: оно оборачивается путешествием в царство мёртвых, где “северная” Болгария стала тюрьмой равно для Овидия и для лирического героя. Во второй элегии “Томис” бурное море становится порталом в потусторонний мир, где герою предстоит пройти “терновую стезю”. Переступая черту небытия, поэт попадает во вневременное пространство (“Что с мачты видишь ты?” – “Я вижу бесконечность!” [11, с. 616]) и получает дар видеть прошлое:

Но нет, – и громче, и сильней
Святой призыв с другого света,
Слова погибшего поэта
Теперь звучат в душе моей! [11, с. 617].

Таким образом, мы получаем ключ ко всей композиции лиро-эпического цикла: Тепляков – новый Данте, а Овидий выполняет функции Вергилия. Этим объясняется столь насыщенное стяжение фактов, имён и исторических эпох как в элегиях, так и в письмах. При этом в образе Болгарии, главным достоянием которой является её историческая земля, на протяжении всего цикла элегий отчётливо проступает несколько граней:

1) библейская и буколическая – Болгария мыслится как земной рай, изобильный Эдем (3-я и 5-я элегии), восьмое чудо света (4-я элегия: “Гебеджинские развалины”, “висячие сады”, как у Семирамиды);

2) историческая – Болгария мыслится как “пустыня”, могила национальных надежд (3-я элегия: она была источником гибели Римской империи через мигрировавшие через неё племена варваров; 6-я элегия: Болгария сама потерпела национальный крах, ибо обескровлена – “О! верно б груда сих костей / Как новый Гемус возвышалась...” [11, с. 635]; кроме того, Болгария стала крахом российских надежд, начиная от Святослава и заканчивая нынешними “северными Орлами”, перешедшими “через Балканские громады”, но потерпевшими поражение от турок [11, с. 638–640]);

3) религиозно-мистическая – 4-я элегия: в Болгарии лирический герой чувствует в себе веру в жизнь после смерти и в обретение свободы по ту сторону бытия, звучащая на рассвете музыка – залог будущего спасения; 5-я элегия: взыскую потерянного рая, поэт сетует на трагическое разобщение человека и природы, на отсутствие божественной любви, потому сердце его не славит Творца

и охвачено мертвящим холодом, лишь “чуть слышимая” мелодия свидетельствует о возможности воскресения из мёртвых [11, с. 231–233]; 7-я элегия: поэт переживает вдали от Болгарии состояние смерти, обрётённой от поцелуя “Чёрной Жницы”, но даже тогда он отказывается верить в конец своего экзистенциального путешествия.

Тепляков помещает Болгарию в сложно сконструированный хронотоп, где совмещаются и накладываются друг на друга разновременные пласты и “карты”: отсюда проистекает зыбкость понятий и описаний. Болгария во “Фракийских элегиях” и в “Письмах” оказывается и Севером, и центром Античного мира, и Востоком одновременно. Но ни один из образов не приложим к ней совершенно. В “Письмах” Тепляков вообще называет её “terra incognita для нашей просвещённой Европы” [10, с. 124]. При этом соотношение лирического и эпического пластов тоже стоит рассматривать как формальное выражение смысловых “археологических” напластований: в этом случае оба текста взаимно контаминированы. И тогда “Фракийские элегии” могут рассматриваться как более глубокий слой текста, обогащающего и усиливающего резонанс заложенных в него интертекстов.

Тепляков при этом закрепляет и одновременно трансформирует одическую традицию, осуществляя синтез. Тем самым образ Болгарии не уходит «в субстрат, в “литературное подсознание”» [14, с. 248], а вырастает до недостижимых высот. Тепляков формирует новый взгляд на Болгарию как страну глубоко историческую, чьи корни уходят гораздо дальше Античности: она вмещает в себя всю человеческую цивилизацию.

Образ Болгарии, зарождаясь в последней трети XVIII в., формируется в результате расширительного понимания границ “греческого проекта”: Болгария включается в него на основании историко-мифологической общности с Грецией и оказывается в центре одической карты мира. В начале XIX в. в “Дневных записках” Краснокутского одическая традиция закрепляется на уровне мотивов уже в прозаическом контексте. Впервые в русской литературе появляются достоверные и беллетристически занимательные описания болгарской природы и достопримечательностей болгарских городов. “Фракийские элегии” и “Письма из Болгарии” Теплякова знаменуют собой переход на принципиально новый уровень осмысления

и воплощения образа Болгарии. Представляя собой сложный континуум, обе части цикла воплощают два яруса, чьи смыслы резонируют друг с другом. Если “Письма из Болгарии” говорят больше об осколочности и конечности исторического бытия, то во “Фракийских элегиях” Болгария является в ипостаси бесконечного и незыблемого бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Строганов М.В.* Болгария и болгары в “Письмах из Болгарии” Виктора Теплякова // *Ракла с културни кодове / Короб културних кодов: Сборник в чест на 65-годишнината на проф. д.ф.н. Дечка Чавдарова. Велико Търново: Изд-во “Фабер”, 2016. С. 419–436.*
2. *Zimmermann T.* Der Balkan zwischen Ost und West: Mediale Bilder und kulturpolitische Prägnungen. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2014. 504 S. DOI: 10.7788/9783412218034
3. *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
4. *Smilianskaia E.* Catherine’s Liberation of the Greeks: High-Minded Discourse and Everyday Realities // *Word and Image in Russian History. Essays in Honor of Gary Marker.* Boston: Academic Studies Press, 2015, pp. 71–89.
5. *Верещагин И.А.* Ода на торжество заключенного мира, между Россией и Оттоманскою Портою. М.: при Имп. Моск. университете, 1775. 11 с.
6. *Верещагин И.А.* Ода на славнейшие победы, одержанные российской армией в 1770 году над сухопутным и морским турецкими войсками / сочинена в Троицкой семинарии философии студентом Иваном Верещагиным. М.: при Имп. Моск. университете, 1771. 11 с.
7. *Евгений (Булгар).* Победная песнь на заключение торжественного мира августейшею, благополучно царствующею, благочестивейшею великою всероссийскою самодержицею Екатериною Второю с Оттоманскою Портою, по одержании над нею многочисленных знаменитых побед на земли и на море / Сочинение иеродиякона Евгения Булгара, что ныне архиепископ Славенский и Херсонский. Переведено с греческого. М.: при Имп. Моск. университете, 1775. 38 с.
8. *Карин Ф.Г.* Слово на торжество мира с Портою Оттоманскою 1775 года, июля 10 дня. М.: при Гос. воен. коллегии, 1775. 15 с.
9. *Краснокутский А.Г.* Дневные записки поездки в Константинополь Александра Григорьевича Краснокутского в 1808 году, самим им писанные. М.: Тип. С. Селивановского, 1815. 122 с.
10. *Тепляков В.Г.* Письма из Болгарии (Писаны во время кампании 1829 года). М.: В тип. А. Семена, при Имп. Мед.-хирург. акад., 1833. 238 с.
11. *Тепляков В.Г.* Фракийские элегии // *Поэты 1820–1830-х годов. В 2 т. Л.: Советский писатель, 1972. Т. 1. С. 608–660.*
12. *Степина С.А.* “Письмо русского путешественника из Варны” (“Первое письмо из Болгарии”) В.Г. Теплякова: опыт комментирования // *Текстология и историко-литературный процесс: I Международная конференция молодых исследователей: Сборник статей. М., 2013. С. 23–36.*
13. *Петренко Е.В.* Творческий путь В.Г. Теплякова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002. 24 с.
14. *Вацууро В.Э.* Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820–1840-х годов. Этюды и разыскания // *Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. В 2 т. Л.: Наука, 1976. Т. 1. С. 231–272.*
15. *Бруханский А.Н.* “Письма из Болгарии” В.Г. Теплякова // *Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 312–323.*

REFERENCES

1. Stroganov, M.V. *Bolgariia i bolgary v “Pismakh iz Bolgarii” Viktora Tepliakova* [Bulgaria and Bulgarians in “The Letters from Bulgaria” of Victor Teplyakov]. *Rakla s kulturni kodove. Korob kulturnykh kodov: Sbornik v chest na 65-godishninata na prof. d.f.n. Dechka Chavdarova* [A Box with Cultural Codes. Collected Essays to Honor Prof. Dr. Dechka Chavdarova on her 65th Birthday]. Veliko Tarnovo, 2016, pp. 419–436. (In Russ.)
2. Zimmermann, T. *Der Balkan zwischen Ost und West: Mediale Bilder und kulturpolitische Prägnungen.* Köln; Weimar; Wien, 2014. 504 S. (In German.)
3. Zorin, A.L. *Kormia dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaia ideologiya v Rossii v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka* [Feeding the Two-Headed Eagle... Literature and State Ideology in Russia of the Last Third of 18th – First Third of 19th Century]. Moscow, 2001. 416 p. (In Russ.)
4. Smilianskaia, E. *Catherine’s Liberation of the Greeks: High-Minded Discourse and Everyday Realities. Word and Image in Russian History. Essays in Honor of Gary Marker.* Boston, 2015, pp. 71–89.

5. Vereshchagin, I.A. *Oda na torzhestvo zakliuchennogo mira, mezhdru Rossieiu i Ottomanskoiu Portoiu* [Ode to the Triumph of Peace Concluded Between Russia and the Ottoman Porte]. Moscow, 1775. 11 p. (In Russ.)
6. Vereshchagin, I.A. *Oda na slavnieshie pobedy, oderzhannye rossiiskoiu armieiu v 1770 godu nad sukhoputnym i morskim turetskimi voiskami* [Ode to the Gloriest Victories, Gained by the Russian Army in 1770 over Land and Naval Turkish Troops]. Moscow, 1771. 11 p. (In Russ.)
7. Evgenii (Bulgar). *Pobednaia pesn na zakliuchenie torzhestvennogo mira avgusteisheiu, blagopoluchno tsarstvuiushcheiu, blagochestiveisheiu velikoiu vserossiiskoiu samoderzhitseiu Ekaterinoiu Vtoroiu s Ottomanskoiu Portoiu, po oderzhanii nad neiu mnogochislennykh znamenitykh pobed na zemli i na more* [The Victorious Song on the Conclusion of Glorious Peace by the Most August, Happily Reigning, Most Devout Great Autocratess of all Russia Catherine the Second with the Ottoman Porte after Winning Multiple and Famous Victories over it on the Earth and on the Sea]. Moscow, 1775. 38 p. (In Russ.)
8. Karin, F.G. *Slovo na torzhestvo mira s Portoiu Otomanskoiu 1775 goda, iulia 10 dnia* [The Speech on the Celebration of Peace with the Ottoman Porte]. Moscow, 1775. 15 p. (In Russ.)
9. Krasnokutskii, A.G. *Dnevnyie zapiski poezdki v Konstantinopol Aleksandra Grigorjevicha Krasnokutskogo v 1808 godu, samim im pisannye* [The Daily Notes of a Journey to Constantinople by Alexander G. Krasnokutskii in Year 1808, Written by Himself]. Moscow, 1815. 122 p. (In Russ.)
10. Tepliakov, V.G. *Pisma iz Bolgarii (Pisany vo vremia kampanii 1829 goda)* [The Letters from Bulgaria (Written During the Campaign of 1829)]. Moscow, 1833. 238 p. (In Russ.)
11. Tepliakov, V.G. *Frakiiskie elegii* [The Thracian Elegies]. *Poety 1820–1830-kh godov* [The Poets of the 1820–1830-s]. In 2 Vols. Leningrad, 1972. Vol. 1, pp. 608–660. (In Russ.)
12. Stepina, S.A. “Pismo russkogo puteshestvennika iz Varny” (“Pervoe pismo iz Bolgarii”) V.G. Tepliakova: opyt kommentirovaniia [“The Letter of a Russian Traveler from Varna” (“The First Letter from Bulgaria”) of V.G. Tepliakov: an Attempt of Commentary]. *Tekstologiya i istoriko-literaturnyi protsess: I Mezhdunarodnaia konferentsiia molydkh issledovatelei: Sbornik statei* [Textual Criticism and Literary Process: Proceedings of the 1st International Conference of Young Researchers]. Moscow, 2013, pp. 23–36. (In Russ.)
13. Petrenko, E.V. *Tvorcheskii put V.G. Tepliakova* [The Literary Biography of V.G. Tepliakov]. Abstract of PhD Thesis. Tver, 2002. 24 p. (In Russ.)
14. Vatsuro, V.E. *Bolgarskie temy i motivy v russkoi literature 1820–1840-kh godov. Etiudy i razyskaniia* [Bulgarian Themes and Motifs in Russian Literature of 1820–1840-ies. Etudes and Researches]. *Russko-bolgarskie folklornye i literaturnye svyazi* [Russian-Bulgarian Folklore and Literary Connections]. In 2 Vols. Leningrad, 1976. Vol. I, pp. 231–272. (In Russ.)
15. Brukhanskii, A.N. “Pisma iz Bolgarii” V.G. Tepliakova [“The Letters from Bulgaria” of V.G. Tepliakov]. *Iz istorii russko-slavianskikh literaturnykh svyazei XIX v.* [From the History of Russian-Slavic Literary Connections]. Moscow; Leningrad, 1963, pp. 312–323. (In Russ.)